

Научная статья
УДК 821.161.1-82-14
doi: 10.17223/19986645/90/13

«Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапьянова

Зифа Какбаевна Темиргазина¹

¹ Павлодарский педагогический университет им. Маргулана,
Павлодар, Казахстан, temirgazina_zifa@pspu.kz

Аннотация. Представлен образ Алматы как сложное многоуровневое семиотическое явление в творчестве казахского русскоязычного поэта Б. Канапьянова. «Алматинский» текст рассматривается как имя, как пространство и как время (Ю.М. Лотман). В этих семиотических подсистемах проявляется транскультурность художественного мировоззрения автора. В них репрезентированы мифопоэтика имени города, пространственные оппозиции и локусы, хронологические характеристики города, значимые с авторской точки зрения.

Ключевые слова: городской текст, хронотоп, локус, «алматинский» текст, Бахытжан Канапьянов, мифопоэтика города, яблоко-символ

Благодарности: исследование финансируется Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан, грант ИРН № AP23487222 «Транскультурная русскоязычная литература Казахстана как часть мирового литературного мейнстрима».

Для цитирования: Темиргазина З.К. «Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапьянова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 268–285. doi: 10.17223/19986645/90/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/13

“Almaty” text in the works of Bakhytzhan Kanapyanov

Zifa K. Temirgazina¹

¹ Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan, temirgazina_zifa@pspu.kz

Abstract. Urban studies in literary criticism have been developing since the end of the twentieth century in the direction developed in the works of Yuri Lotman, Vladimir Toporov, and others. The city is considered as a super-textual semiotic phenomenon, consisting of several subsystems: the city as a name, the city as space and the city as time. The city has its own “language” and has the ability to generate certain meanings and images. In the works of individual writers, a certain image of the city is modeled, which becomes part of the idea of a particular city existing in culture and literature.

Researchers studied the “Almaty” text in the works of Dina Rubina, Yuriy Dombrovsky. In this work, I discuss the “Almaty” text created in works by the Kazakh Russian-speaking poet Bakhytzhan Kanapyanov; this text implicitly includes transcultural meanings. The toponym *Almaty* has great cultural significance and generates a mythopoetic halo around the name of the city. Based on the semantics of the word *alma* (literally ‘apple’), historical facts, and with the help of allusions, the poet creates a mythopoetics of the city. It includes myths and legends about the apple of knowledge, about halves of an apple as people, about Newton’s apple, about Almaty as the ancestral home of apples and the birthplace of the Aport apple. The author complements the mythopoetic aura of the “Almaty” text with the idea of the apple as the ancestor of humanity. The urban space of Almaty is formed by several semiotically significant loci of the eastern city from Kanapyanov’s point of view: ditches, Green Bazaar, blue spruces, Medeo. In the poet’s depiction, Almaty is a multi-confessional, multicultural city, so sacred Muslim and Christian symbols (crosses and mazars) coexist here. Since Almaty is surrounded by mountains, the city and the mountains form a single topos. The mountains are the outer boundary of the city. Despite the city’s inclusion in the mountainous landscape, the mountains pose a constant threat to its existence – avalanches can destroy it. The poet talks about the eternal struggle between the natural elements and man. Kanapyanov’s “Almaty” text is realized in the oppositions “city – steppe”, “city – village”, “closed topos – open space”, “natural – artificial”, conveying the transcultural specificity of his artistic worldview. The rhythm of the city as time is determined by the time of day and the seasons. The poet’s favorite time of day is night; for him Almaty is “the city of green nights”. Thus, in his presentation of the city as a semiotic cultural and natural phenomenon, Kanapyanov conveys certain ideas and meanings to the reader, and the urban text in his poetic works acquires a special aesthetic function.

Keywords: city text, chronotope, locus, “Almaty” text, Bakhytzhan Kanapyanov, mythopoetics of city, apple-symbol

Acknowledgements: The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Project No. IPH AP23487222.

For citation: Temirgazina, Z.K. (2024) “Almaty” text in the works of Bakhytzhan Kanapyanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 268–285. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/13

Введение

Урбанистическая тематика является достаточно традиционной для литературоведческих изысканий. Они варьируются от общих проблем урбанистической литературы [1, 2] до исследования темы города в творчестве отдельных писателей: К. Бальмонта [3], В. Маяковского [4], И. Бродского [5]; образа конкретного города в литературе: Венеции [6], Стамбула [2], Парижа [7], Москвы [8, 9], Петербурга [8, 10, 11], Лондона [12]. В последнем направлении исследований сформировалось понятие «городской текст», что, несомненно, связано с идеей Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова о городе как семиотическом объекте культуры [10, 11, 13]. Город – это текст, в котором «нужно ощутить семиотическую фактуру культуры, уловить возникающие знаковые смыслы и стоящие за ними денотаты. Денотат является неременной предпосылкой существования знака, он его во многом детерминирует,

облегчает, в какой-то степени, чтение семиотических кодов культуры и истории» [13]. В.Н. Топоров полагает, что всякий город «имеет свой “язык”». Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный *текст*, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [11. С. 13].

Таким образом, урбанистическая тема в культуре и литературе делает поворот к семиотической трактовке города как текста со сложной архитектурой и своеобразным денотатом. В зависимости от конкретного географического денотата урбанистического текста литературоведы говорят о «парижском» [7], «московском» [11], «петербургском» [11], «венецианском» [6], «ташкентском» [14, 15] и т.д. текстах.

В работе мы используем понятие «алматинский текст» как сверхтекстовое семиотическое явление в творчестве одного поэта, объединенное топонимом в географическом, культурном, хронологическом, художественно-эстетическом планах. Алматы как образ и городской текст пока изучен недостаточно. Есть лишь несколько работ, посвященных образу Алматы и «алматинскому» тексту. Так, Э.Ф. Шафранская, Е.В. Лебедева исследуют Алматы как локальный текст, выявляя особенности его топоса в произведениях Ю. Домбровского и Д. Рубиной [16]. Ж.А. Баянбаева в своей диссертации также анализирует «алматинский» текст в романах Ю. Домбровского «Факкультет ненужных вещей», «Хранитель древностей», «Гонцы», делая акцент на его функционально-семиотическом аспекте [17]. Образ города Алматы представлен как один из основных мотивов в поэзии Бахытжана Мусахановича Канапьянова в работе К.Р. Нургали, М.Д. Амангелди, выявлены некоторые особенности урбанистического образа [18]. А.Е. Кожабегенова сопоставила образы двух городов советского Востока – Ташкента и Алматы в прозе Д. Рубиной [19]. Необходимо отметить, что городские тексты в литературоведении исследовались преимущественно на материале русских и европейских городов. Вне поля зрения оставались восточные города с их ориенталистской семиотической спецификой, которая, несомненно, существенно отличалась от семиотики европейских городских текстов. Лишь в последнее время ученые обратились к изучению восточных городских текстов постсоветского пространства, и прежде всего Ташкента и Алматы как наиболее крупных и значимых городов постсоветского Востока [15–17, 19].

Цель работы – исследовать «алматинский» текст в поэзии казахского русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова как семиотическое явление транскультурного характера. Произведения «нерусских русскоязычных» писателей относятся к мультикультурным, гибридным текстам, находящимся на стыке культур. Д.В. Новохатский справедливо подчеркивает, что мультикультурной русскоязычной литературе нерусских авторов, в отличие от собственно российской русской литературы, транскультурная эстетика присуща имплицитно [15. С. 78]. Изучение городского текста в транскультурном аспекте осуществляется в литературоведении не впервые. Так,

Д.В. Новохатский анализирует в этом плане «ташкентский» текст в романе Сухбата Афлатуни «Ташкентский роман» [15]. Исследование произведений транскультурных писателей основано на теоретических трудах М.В. Тлостановой [20], М. Puleri [21] и др.

Методология исследования

Мы опираемся на семиотическую концепцию городского текста Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, реализованную в «петербургском» тексте. Лотман предлагает исследовать город как семиотическую систему в трех основных подсистемах: город как имя; город как пространство; город как время [10. С. 30]. В соответствии с этими параметрами рассмотрим образ Алматы как своеобразную семиотическую систему, функционирующую в произведениях Бахытжана Канапьянова, состоящую из культурных, материальных, образных и мифологических пластов. Созданная художественным воображением писателя семиотическая модель города – это комплекс устоявшихся стереотипов о городе, устойчивых ассоциаций и одновременно отражение его субъективных представлений, эстетических принципов, своеобразия индивидуальной поэтической техники. Она не является фотографическим отражением онтологического бытия и состояния города и может меняться в зависимости от эпохи, от жизненного опыта художника, от индивидуальной картины мира автора и т.д.

Объектом нашего исследования также являются интертексты, сложившиеся вокруг топонимов высокой культурной значимости, к каковым относится название *Алматы*. В этом отношении мы опираемся на теорию интертекстуальности Р. Барта [22], Ю. Кристевой [23].

Результаты и обсуждение

1. **«Алматинский» текст как имя.** Алматы является центральным урбанистическим образом в поэзии Канапьянова. Канапьянов посвятил родному городу, кроме отдельных стихотворений, два поэтических цикла «Алма – Яблоко» (1974–1976), «Алма-атинский блюз» (1991–1999). Доминанта этого урбанистического образа в творчестве Канапьянова обусловлена несколькими существенными факторами: во-первых, биографическими фактами; во-вторых, государственным статусом города; в-третьих, географическим положением. Поэт с детства живет в Алматы, который в советское время была столицей республики. Алматы имеет уникальное географическое местоположение – город находится в ущелье между горами Заилийского Алатау на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря.

С исторической точки зрения Алматы – это древний административный и экономический центр, сформировавшийся примерно в X в. По утверждению археолога Карла Байпакова, об этом свидетельствуют археологические раскопки на территории города: крупный монетный двор, различные ремесленные мастерские, остатки жилых построек [24]. Город с XIII в. носил имя

Алматы (дословно ‘яблочный, яблоневый’). Топоним советского времени *Алма-Ата* породил его различные интерпретации, наиболее популярной из которых была «отец яблок». Вторая часть топонима *Алма-Ата* интерпретировалась как самостоятельное знаменательное слово *ата* (дословно ‘дед’), хотя на самом деле это была русифицированная версия произношения древнетюркского названия *Алматы* с суффиксом прилагательного *-ты* [25. С. 11]. Эта интерпретация породила множество мифов о городе как родоначальнике яблок, и это имело, по мнению Е. Фарино, онтологические исторические причины: «Реальные основания для связи Алматы с яблоком и яблоней состоят в том, что Джунгарский и Заилийский Алатау издревле был родиной дикорастущих яблоневых рощ, которые современная наука считает генетической базой всех яблоней в мире. В научной литературе эту дикую яблоню принято называть яблоней Сиверса, поскольку первое о ней упоминание восходит к письмам 1796 г. Сиверса, корреспондента Вольного Экономического общества» [25. С. 11–12]. Алматы не только прародина яблок, но также родина уникального сорта яблок – апорт, который и стал знаком-эмблемой города: «Это явление мифопоэтического порядка: город реализует (визуализирует) семантику собственного имени» [25. С. 12].

Имя города привлекает Канапьянова и по сугубо личным мотивам: прежде всего из-за созвучия с женским именем *Алма* (дословно ‘яблоко’), которое носит любимая девушка: *Тебя звали Алма, / тебя называл / половиной / зелёного города* [26. Т. 1. С. 68]. *Половина зеленого города* – это первая часть топонима *Алма-Ата*. Далее лирический герой обыгрывает омонимию казахских слов: существительного *алма* (дословно ‘яблоко’) и глагола *алма* (дословно ‘не бери’): *Парень, не так переводишь, / меня звать – «не бери»* [26. Т. 1. С. 68]¹. В мифопоэтику яблока включен библейский мотив запретного плода познания добра и зла: *Имя моё, / что плод, / на который / наложен запрет* [26. Т. 1. С. 68].

Лотман справедливо утверждает, что поэтические символы имеют разную природу и источники: «Алфавит символов того или иного поэта далеко не всегда индивидуален: он может черпать свою символику из арсенала эпохи, культурного направления, социального круга. <...> Индивидуальность художника проявляется не только в создании новых окказиональных символов (в символическом прочтении несимволического), но и в актуализации весьма архаических образов символического характера» [13. С. 123]. Символ яблока обладает в человеческой культуре высоким генерирующим потенциалом в силу своей древности и распространенности в разных культурах. В поэзии Канапьянова, кроме локальных источников символических

¹ «Если в одном из скверов нашего прекрасного города поставить памятник первой дикой яблоне Сиверса и гуляющим возле нее первым людям – Адаму и Еве с указующим на них перстом Всевышнего, который говорит: «Ал ма», то отбою от туристов со всего мира не будет!» [24].

смыслов, яблоко окружено мифопоэтическим ореолом, источником которых выступает мировая культура: библейский миф о яблоке познания, легенда о людях-половинках яблока, яблоко Ньютона и т.п.

Для лирического героя яблоко – это символ жизни, «цветение жизни» [26. Т. 2. С. 73]. Он ощущает родовую связь с яблоком, с яблоневыми садами: *Я родом из детства, где яблоки зноем налиты* («Ностальгия по детству») [26. Т. 1. С. 35]. Яблоневые сады и яблоки вызывают у лирического героя ностальгические ассоциации с детством. Время сбора яблок в садах в предгорьях Алматы было важным событием для жителей города:

Наступило время сбора.

И – бродят люди по садам («Алма – Яблоко») [26. Т. 1. С. 46].

В романе Дины Рубиной «в качестве главного символа Алма-Аты автор выбирает не деревья, не горы и не протекающую по городу реку Большая Алматинка, а яблоки» [19. С. 129]. Яблоко становится для героини романа символом детства, «выполняя таким образом роль устойчивой ассоциации с городом ее детства, но и только» [19. С. 129]. В творчестве Канапьянова семиотическая функция яблока, несомненно, гораздо шире и разнообразнее. В раздумья о яблоке – символе детства вплетаются горькие мотивы: яблоневые сады в Алматы вырубались под застройки и дороги. Вера лирического героя в то, что яблоневые сады будут цвести и плодоносить вечно, как в детстве, разрушена – вместо яблоневых садов теперь бетонные плиты:

Я родом из сада, где ныне – бетонные плиты.

Я верил, что вечно, что вечно мой сад плодоносит

И, сбросив плоды, расправляет вновь

древние ветви («Ностальгия по детству», 1976) [26. Т. 1. С. 35].

Яблоко у поэта – это явление космического порядка: *Паденье яблока – полет* («Алма – Яблоко» 1975) [26. Т. 1. С. 45]. Мифопоэтический образ яблока включает и представление о яблоке Ньютона: *Ты, смеясь, называла его / Ньютоновым даром* («Алма – Яблоко» 1975) [26. Т. 1. С. 47]. Означаемое символа расширяется до знака-эмблемы города, издревле принадлежащего ему: *Но ведь не имя – суть важна в предмете: / Не гармоничен будет город мой / Без яблока – дар древности земной* [26. Т. 1. С. 50]. Более того, он выстраивает метафоры «планета – это яблоневый сад», «эпоха – это человек с яблоком в руке». Яблоко для лирического героя становится символом планеты и целой эпохи:

Приснится мне планеты сад живой,

Плодами будет плыть над головой.

И – яблоко несет в руке эпоха [26. Т. 1. С. 50].

Яблоня приобретает сакральный смысл как прародительница людей: *Там / Жизнь переходит в плоды, / Нас / Яблоня благословила* [26. Т. 1. С. 50]. Сквозной мифопоэтической идеей проходит через творчество Канапьянова

миф о людях – половинках яблока: *Мы яблока – / Половины. / Мы / В яблоке ищем черты, / Что яблоня нам / Привила* [26. Т. 1. С. 50]. Идея о людях – половинках яблок в то же время, в понимании поэта, иллюзорна и недостижима, что образно предстает в картине зеркального отражения одной половины яблока в полированной поверхности стола, на котором оно лежит: *Половина спелого яблока лежала, отражаясь на полированной плоскости стола. И казалось целым. Яблоком* [26. Т. 1. С. 50]. Парцелляция целого с грамматической точки зрения предложения на отдельные интонационные части создает иллюзию прерывистости интонации, передающей, как трудно дается лирическому герою осознание этой горькой истины.

2. Город как пространство. Чтобы выявить пространственные параметры «алматинского» текста, необходимо определить сущностные характеристики городского топоса, связанные с местоположением, внутренним и внешним ландшафтом, границами города. Они чаще всего реализуются в оппозициях. Важно также установить индивидуально-авторскую трактовку этих параметров. С помощью своего видения городского пространства писатель транслирует читателю определенные идеи и смыслы, и городской текст в художественном произведении выступает не просто как фон, но приобретает особенную эстетическую функцию в лирическом повествовании. «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [10. С. 35].

2.1. Горы – город. Географически Алматы находится в долине между горными ущельями и окружен горами со всех сторон. Топос города непосредственно связан с высокогорьем. А.Е. Кожабергенова, анализируя образ Алматы в романах Дины Рубиной, важнейшей чертой «алматинского» текста считает неразрывную связь города с природой, с которой он сливается, «о чем свидетельствуют множественные описания деревьев, рек, озер, гор, находящихся в черте городского пространства или рядом с ним» [19. С. 128].

Алматы в изображении Канапьянова – уникальный прекрасный восточный город, в котором уживаются и рукотворное, и природное начала. В стихотворении «Старая Алма-Ата» (1979) он использует метафору «Алматы – это сад камней»: *Природой сотворенный сад камней / Меж горных речек двух – Алмаатинок* [26. Т. 1. С. 103]. Аллюзия с японским садом камней имеет глубокий смысл, ведь сад камней предназначен для созерцания красоты и размышления над смыслом бытия. Сравнение Алматы с садом камней не совсем точное: японский сад создается искусственно, а у Канапьянова он сотворен природой, т.е. город – это творение природы, что противоречит основной идее городских текстов: город – культурное творение, созданное человеком, а не природой. Вписанность города в природу, в горный ландшафт означает, с точки зрения поэта, единство города и гор, гармонию между городом и природой.

В канапьяновских строках *И в рифме «горы – город» / есть ландшафт* («Старая Алма-Ата» 1979) показаны единство и целостность ландшафта гор

и города. Аллюзия отсылает к принципу японской пейзажной живописи *сан суй* «горы – воды», который поэт в соответствии со своей национально-культурной и индивидуальной концептуальной картиной мира трансформирует в эстетический принцип «горы – город». Этот принцип отражен во многих произведениях Канапьянова, где горы и город составляют целостный комплекс – *жемчужину в оправе диких гор*:

Алма-Ата, зеленый город мой,
К подножью гор прильнувшая столица [26. Т. 1. С. 106].

Как величаво высятся хребты,
Взирая по-отечески на город [26. Т. 1. С. 105].

И горы вдоль города встали стеной [26. Т. 1. С. 29].

Горы настолько близки к городу, что «*горные вершины дышат в окна*» [27. Т. 2. С. 131]. Для лирического героя горы – это место очищения души, исцеления от беды; горная река – глоток живой воды, которая уносит вдаль боль и тревогу:

В горах глоток живой воды
Есть исцеленье от беды,
И боль мою уносит вдаль река.

Несмотря на близость к городу, горы остаются частью дикой «неокультуренной» природы: *Горы в сиянье лунном суровы, дики и величавы* [26. Т. 1. С. 32]. Поэтому для города, как бы мирно он не сосуществовал с природой, с горами, существует опасность уничтожения – это сель, сход лавины снега, камней, воды, которая сносит все на своем пути. Эта угроза исходит от гор и знаменует собой вечную борьбу стихии и культуры, которая лежит в основе эсхатологических мифов об обреченности города, о которой писал Лотман в своем исследовании «петербургского» текста [10. С. 32]. В стихотворении «Валун» (1977) ощущается это постоянное ожидание опасности от схода селевых потоков:

А в полутьме угрюмо ожидает
Нашествия
С вершин небесных глыб
(сейчас они обрушатся на город) ... [26. Т. 1. С. 54].

Идея селевой угрозы, уничтожения города, постоянно исходящей от гор, входит в цикл городской мифологии Алматы, наряду с другими городскими мифами.

2.2. Локусы-символы восточного города. Алматы – восточный город с жарким климатом, его пронизывает система арыков, которая питает кустарники и деревья и является неотъемлемой частью ландшафта города. Арык – это неизменный символ восточного города, поэт называет Алматы *арычной страной*: *О, город мой, – арычная страна!* («Арык», 1976) [26. Т. 1.

С. 27]. Он создает транскультурную акустическую метафору арыка: *Арык поет; Звонит в ушах / Арычная / струна. / Она / сердцебиение – / земное.* Арык – это сердце города, питающее его, дающее ему жизнь. Он ассоциируется у поэта с музыкой: *арык поет, звонит арычная струна.*

Частью «алматинского» текста является представление об Алматы как мультикультурном многоконфессиональном городе, перекрестке многих культур и религий в течение тысячелетия. В городском ландшафте соседствуют христианские и мусульманские сакральные знаки – кресты и мазар: *Пугасов мост. Фуникулер. Базар. / Кресты могил, и на холме мазар – / Сквозь голубые царственные ели* («Старая Алма-Ата» 1975) [26. Т. 1. С. 103]. В цепочке номинативных предложений перечисляются городские реалии, и среди них традиционный локус восточного города – базар. Древний атрибут восточного города гармонично вписывается в ландшафт с современной технологической реальностью – фуникулером. Көк базары, Зеленый базар – один из знаковых локусов в «алматинском» тексте Канапьянова. «...Любой приезжающий в Центральную Азию человек непременно стремился посетить базар. Подобное поведение бывает продиктовано не только стремлением купить какой-нибудь продукт или товар, но и желанием приобщиться к особой атмосфере восточного базара, ощутить воздух ярмарочного действия, его яркую зрелищность и неподдельное очарование» [28. С. 128].

Специфической деталью канапьяновского алматинского ландшафта являются высокие *голубые царственные ели*. Неслучайно поэт придает им своим эпитетом царственный статус. Голубые ели многократно встречаются в его произведениях: *голубые ели, заилийские ели, спящая ель, среди озоновых елей* и т.п. Выбор елей в качестве символа-локуса Алматы достаточно нетривиален, поскольку, как отмечают многие исследователи, другие писатели, такие как Ю. Домбровский, Д. Рубина, главным деревом Алматы считают тополя, а не ели [14. С. 274–275; 19. С. 128].

Для художественного описания города поэт выбирает преимущественно один цвет – зеленый: *город зеленых ночей, в южном городе зеленом, в алматинской зеленой ночи, в эту зеленую ночь* и т.п. Это, по-видимому, связано с тем, что Алматы традиционно считается городом со множеством зеленых парков, садов, деревьев.

Важный элемент городского пространства Алматы – высокогорный ледовый каток Медео. Изображение динамичного образа этого локуса в стихотворении «Медео» (1983) начинается с горного серпантина дороги, по которой нужно добраться до катка, с мельканья столбов и домов, с крутых виражей автомобиля и заканчивается поворотом и спиралью конькобежца уже на катке Медео [26. Т. 1. С. 183–184].

Каждый автор создает свой городской текст, свой образ города, в зависимости от художественно-идейных задач, стоящих перед ними. У Канапьянова это образ древнего восточного города в современной реальности, гармонично включающего в свою парадигму урбанистические и природные реалии, диахронические и синхронические пласты.

2.3. Оппозиции в алматинском тексте Канапьянова. К основным оппозициям «алматинского» текста относится оппозиция «город – степь», традиционная для современной парадигмы казахской литературы. Как пишут исследователи: «Бинарная оппозиция “город – степь”, на наш взгляд, беспристрастно очерчивает душевный конфликт казахстанской поэзии 70–80-х гг. XX в. Уход от традиционных ценностей кочевья, разлука с аульным бытом, отрыв от корней, трагедия болезненной духовной раздвоенности в полной мере отразились в современной казахской литературе» [18. С. 115]. Эта аксиологическая оппозиция развивается и конкретизируется в других, таких как антитезы «город – аул», «искусственное – природное», «замкнутое пространство – открытое пространство». Проблема сохранения казахской культуры, казахского языка связана у поэта с топомосом «аул», а город – это место, где нивелируются и утрачиваются национальные традиции. С этой точки зрения город изображается как бездуховное, сугубо прагматическое явление, живущее сиюминутными суетными делами. Жители города лишены корней и оторваны от истоков степной кочевой культуры. Отец чабан сетует на сына-горожанина за непонимание: *Откуда ему, горожанину, знать / Наши степные законы?! [26. Т.1. С. 25].*

Традиционный образ города в урбанистической прозе и поэзии противопоставляется природе как нечто неестественное, противоречащее ей. Его атрибуты – механические артефакты, железо, искусственный свет: *из чрева бетонных строений; железобетонная осень; кора асфальта; дневных проспектов крик; бьющие током ступеньки троллейбуса* и т.п. Как мы видим, метафоры построены по принципу контраста «природное + искусственное/механическое»: чрево + бетонные строения, осень + железобетонная, кора + асфальт, крик + проспект. Топос города обладает свойствами, вносящими душевный разлад, психологический дискомфорт во внутренний мир лирического героя. Не утихает тоска по степи у жителей города – *современных скифов*, которые живут в *норах квартирных* и выходят на балкон, *словно бы слышав ржанье коня* (1985) [27. Т. 2. С. 29]. Степь появляется здесь только на экране телевизора: *Вот и степь подступает к глазам из бездны телеэкрана*. Знак-символ искусственности, фальшивости городского бытия, оторванности от природы – *коровий кумыс*¹, который сын *принес вечером из гастронома*. Город лишает человека его прошлого, его исконной культуры, которая зиждится на природных началах. Ощущение своей вины за эту оторванность от корней, от аула, где похоронены его отец и предки, преследует поэта. Покаяние является одним из основных эмоциональных мотивов всего его творчества. Степь, родной аул метафорически осмысляются поэтом как живые, он обращается к ним со словами покаяния: *О степная земля, мы так пред тобой виноваты, / Что смотрим с виною и болью на эти закаты*

¹ Кумыс – традиционный напиток кочевых тюрок, который готовится исключительно из кобыльего молока. Кумыс из коровьего молока – это фальшивый, ненастоящий напиток [29].

(«Ностальгия по детству» 1976) [26. Т. 1. С. 36]; *Родной очаг, / За все прости меня. / За то, что о корнях / Я забываю. / Все получил / От твоего огня / И ничего в ответ / Не возвращаю* («Родной очаг» 1977) [26. Т. 1. С. 66]. Он старается сохранить эту связь с родиной, с предками и клянется продолжить их путь:

Здесь мой аул,
Могила здесь отца.
Начало – здесь.
И нет ему конца.
И этот путь
Продолжен будет мной [26. Т. 1. С. 66].

Степь дает ему свое благословение: *Благословляет степь: / – Иди, сын мой!* [26. Т. 1. С. 66]. В тексте зашифрованы важные для казахов культурные сакральные коды: святость могилы отца; память о предках.

Алматы ограничен в своем пространстве, он окружен горами, которые выступают его внешней границей. Недаром Канапьянов использует метафору – *жемчужина в оправе диких гор*, в которой проявляется духовная коллизия «алматинского» текста: город замкнут «в оправе диких гор». Она усиливает и углубляет антитезу «город – степь»: замкнутое горами пространство города и открытая бескрайняя степь – прародительница казахов-кочевников. Отсюда неизбывная тяга горожанина к степным просторам: *Вновь по весне степной простор влечет. / Сажусь в автобус я на маленьком вокзале* [27. Т. 2. С. 20]; *Тебя влекли степные дали* [27. Т. 2. С. 176]. Не случайно поэт использует глагол *влек* (*влечет, влекли*) с семантикой «манить, привлекать к себе», актуализирующей значение непроизвольного, неконтролируемого желания как внутреннего порыва человека, и метафору «степь как манящий к себе субъект». Лирический герой стремится вырваться из города за его внешние границы, в степь и услышать гулкий стук копыт, ощутить объятия степного ветра:

В дорогу!
Копыта пусть гулко стучат,
Пусть ветер обнимет грудь [27. Т. 2. С. 25].

Исследователи справедливо отмечают: «В поэзии Б. Канапьянова образ южного города не является символом бездуховности, противопоставленным ценностям традиционной культуры. <...> В лирике Б. Канапьянова слышится вера в нашего современника – горожанина и степняка, открывающего для себя “планеты сад живой”» [18. С. 115]:

Нам родина – эти холмы,
Горы и город в долине.
И дети природы все мы [26. Т. 1. С. 50].

3. Город как время. Пространство, согласно теории хронотопа М.М. Бахтина, неразрывно связано со временем [30. С. 235]. Городское про-

странство пронизано хронологическими связями, в нем отражаются природные катаклизмы, исторические и социокультурные события, оно существует в различных сезонах и в разных временах суток. Антитезы «город – степь», «город – аул», выше рассмотренные нами с пространственной точки зрения, осмысляются поэтом и в хронологическом плане. Он протягивает исторические связи между членами оппозиции: от древних скифских племен до настоящего времени. Жители города – это *современные скифы*, не до конца осмысляющие связь со своим историческим прошлым, воплощенным в образах степи и аула. Хронологическо-событийным ореолом окружено и имя города, ассоциативно отсылающее к истории происхождения яблони Сиверса, к утрате в начале 2000-х гг. уникального сорта яблок – апорта. Автора волнуют события, происходящие с начала 2000-х гг. и влияющие на безопасность города: это хаотичная застройка города в предгорьях, нарушающая его экологию.

Важнейший хронологический признак канапьяновского «алматинского» текста – это время суток, наиболее предпочитаемое поэтом. Его любимый хронотоп – это Алматы ночью. В стихотворении в прозе «Ad astra» (1986) он с бесконечной любовью описывает ночной Алматы: *Полночь. Обычная алма-атинская полночь. Горная прохлада нисходит волнами на огни раскинувшегося в долине города, слегка шелестит листва, арык несет свою песню, иногда заглушаемую шагами редких прохожих, шелестом одиноких такси. Прогрохотал последний трамвай и отправился спать в гулкое пространство кирпичного депо...* [27. Т. 2. С. 136]. Лирический герой воспринимает ночной город в первую очередь акустически, он описывает звуки алматинской ночи: шелест травы, песню арыка, звуки шагов редких прохожих, шелест такси, грохот последнего трамвая, гулкое пространство депо. Они создают гармонический звуковой образ города (см. об этом: [31, 32]). Вот еще один метафорический образ алматинской ночи в стихотворении «Алматинский блюз» (1999):

Ночь,
Шурша звездами, спускается с гор,
Серьгами фонарей по улицам танцует,
Фонтанами смеется на площадях [27. Т. 2. С. 225].

Ночь – это волшебница, украшенная серьгами, которая спустилась с гор в город, танцует и смеется. Поэт любит свет ночных огней: *город мой / Дрожит / Ресницами / огней*; ночные запахи: *Твои асфальты / пахнут в полночь / зноем* («Арык» 1976) [26. Т. 1. С. 29]; ночную прохладу. Выше мы говорили о том, что Канапьянов выбирает для характеристики ночного Алматы только один цвет – зеленый. Во многих стихах повторяется выражение *город зеленых ночей*. Поэт обнаруживает сходство алматинских зеленых ночей с испанской Севильей: *В зеленой алма-атинской ночи / Есть что-то от ночей Севильи* [26. Т. 1. С. 63]. Для поэта эти города близки своим жарким климатом и прекрасными теплыми ночами.

Поэт изображает город в разные сезоны: летом, зимой, весной. «Алматинский» текст Канапьянова не может быть полноценным без такого хронотопа, как жаркое июльское лето в южном городе (стихотворение «Июль», 2001):

Как пламя саксаула,
Лижет лица зной.
И в мареве дрожит
И тает город.
Сухой арык,
Пересыхает горло...
О автомат – спасенье – газводы! [27. Т. 2. С. 241].

Стихотворение насыщено транскультурными сравнениями и метафорами: *зной как пламя саксаула; в мареве дрожит и тает город*. В знойном июле как спасение, источник жизни возникает сугубо городская деталь – автомат газированной воды.

Одно из стихотворений Канапьянова («Снег», 1978) посвящено первому снегу в Алматы. Поэт сакрализует это природное явление, придает ему нравственный смысл, это *снег очищения, снег искупления* вины [26. Т. 1. С. 82]. Весна в городе, как и в природе, проявляет себя в специфических признаках – в росте и цветенье растений, в мартовских «гуляниях» кошек. Эти весенние признаки существуют в городском контексте, рядом с «корой асфальта», «новостройками»:

Пробил веселенький росток
Кору асфальта.
И обновленья бродит сок
В начале марта...
Смех кошек во дворе у нас,
Где свет не очень...
Сирень взрывает белый цвет
У новостройки («Весна» 1980) [26. Т. 1. С. 115].

Хронологические характеристики «алматинского» текста у Канапьянова двуплановы: во-первых, они обусловлены историческими событиями как в древности, так и в современности; во-вторых, тесно связаны с природными явлениями: со временем суток (ночью), с временами года (летом, первым снегом, весной). Алматы как восточный город живет в динамике исторических изменений, в движении от прошлого к настоящему, в ритме природы, смены ее сезонов и времени суток.

Заключение

Таким образом, в «алматинском» тексте Канапьянов создает модель родного города в трех его основных семиотических ипостасях: мифопоэтический ореол имени города, городское пространство Алматы и хронос города.

В мифопоэтическом ореоле топонима проявляются его символическая значимость и культурно-историческая обусловленность архаическими мифами, легендами, индивидуальным опытом автора, связанными с яблоневыми садами. Городское пространство Алматы определяется знаками-локусами природного (горы, голубые ели) и искусственного происхождения (базар, Медео). Топос города неразрывно связан с горами, которые одновременно составляют его внешние границы. Они же представляют для города экзистенциальную угрозу: сход горного селя, который сносит и разрушает все на своем пути. Для канапьяновского «алматинского» текста типичны оппозиции «город – степь», «город – аул», «искусственное – природное», которые, кроме пространственных характеристик, несут в себе и историко-хронологическое осмысление города в прошлом и настоящем. Город как время также включает в себя поэтическое описание города в разное время суток и в разные сезоны года. Событийно-временные пласты занимают значительное место и в описании города как имени: история яблони Сиверса, вырубка яблоневых садов, вырождение апорта.

Все составляющие модели города связаны между собой, взаимообусловлены, формируя целостное восприятие города как культурного явления в поэтической картине мира Канапьянова. Поэт рассматривает Алматы как живой, саморазвивающийся в пространстве, времени, в мифопоэтических смыслах организм. Сконструированная поэтическим воображением модель города не должна во всем совпадать с реальным образом города. У каждого писателя или даже просто жителя города может существовать свой образ Алматы, с другими мифопоэтическими, ассоциативными, пространственными и хронологическими характеристиками. Важно понимать, что читателю, реципиенту необходимо эстетическое осмысление города, они ощущают потребность в поэтизации родного города: *Нарисуй мне словами / Город зеленых ночей!* (1975) [26. С. 15].

Список источников

1. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. 170 с.
2. Шахин А. Традиции урбанистической прозы и творчество С.Ф. Абасыяныка // Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 182–194.
3. Тэтик К. Лики городов в поэзии К.Д. Бальмонта // Ученые записки Худжандского госуниверситета им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (51). С. 83–91.
4. Култышева О.М. Урбанизм и проблема цивилизации в творчестве В. Маяковского // Нижневартковский филологический вестник. 2017. Т. 2, № 2. С. 47–57.
5. Соболева О.В. Мотивы поэзии Серебряного века в венецианском тексте Иосифа Бродского // Два рубежа. 100-летию юбилею «Мира искусства» : материалы научно-практической конференции. Пермь, 1998. С. 100–102.
6. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1999. 364 с.
7. Гололобов М.А. Парижский дискурс и парижский текст в романе Э. Золя «Западня» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 232–236.
8. *Moscow and Petersburg: The city in Russian culture* / ed. by Ian K. Lilly. Nottingham, 2002.

9. Красноухова Ю.С., Хатямова М.А. Москва как представление о современной реальности в пьесе Н. Садур «Мальчик-небо» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 203–219. doi: 10.17223/19986645/85/10
10. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 30–45.
11. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю.М. Лотман. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 4–29.
12. Ackroyd P. London: The Biography. London : Chatto & Windus, 2000. 822 p.
13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
14. Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М. : Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.
15. Новохатский Д.В. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Slavico. 2019. Вып. 18. С. 74–91.
16. Шафранская Э.Ф., Лебедева Е.В. Алма-Ата как локальный текст // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 272–282.
17. Баянбаева Ж.А. Алма-атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского: функционально-семиотический аспект : дис. ... канд. филол. наук. М. : РУДН, 2017. 142 с.
18. Нурғали Қ.Р., Амангелді М.Д. Система мотивов в лирике Б. Канапьянова // Вестник Карагандинского университета. Серия: Филология. 2022. № 2 (106). С. 109–116. doi: 10.31489/2020Ph2/109-116
19. Кожабергенова А.Е. Города советского Востока в прозе Дины Рубиной // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 3. С. 125–135. doi: 10.15826/izv1.2022.28.3.052
20. Глостанова М.В. Жить никогда. Писать ниоткуда: Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М. : Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
21. Puleri M. Narrazioni ibride post-sovietiche: Per una letteratura ucraina di lingua russa. Firenze : Firenze University Press, 2016. P. 262.
22. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. Косикова, Б. Наумова ; общ. ред./ Г.К. Косиков. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
23. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г. Косикова. М. : Росю политическая энциклопедия, 2004. 656 с.
24. Алма-Ата или Алматы: почему это так волнует Олжаса Сулейменова? // Exclusive. 2021. URL: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/125677/> (дата обращения: 10.09.2023).
25. Фариньо Е. Яблоки – апельсины – гранаты // Культура и текст. 2018. № 4 (35). С. 7–84.
26. Канапьянов Б. Избранное : в 2 т. Т. 1. Алматы : Изд. дом “Жибек жолы”, 2011. 480 с.
27. Канапьянов Б. Избранное : в 2 т. Т. 2. Алматы : Изд. дом “Жибек жолы”, 2011. 536 с.
28. Аслитдинова А. Базар в Центральной Азии как поле социального и культурного взаимодействия // Историк (Муаррих). 2016. № 3–4 (8). С. 126–129.
29. Temirgazina Z., Rakhimzhanov K. et al. Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication // Metaphor and the Social World. 2022. Vol. 12. Iss. 2. P. 270–291. doi: 10.1075/msw.19019.tem
30. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407.

31. Темиргазина З.К., Жакупова Г.А. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Вып. 12, № 1. С. 137–152. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

32. Темиргазина З.К., Ибраева Ж.Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 290–307. doi: 10.17223/19986645/72/16

References

1. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhsteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Shakhin, A. (2013) Traditsii urbanisticheskoy prozy i tvorchestvo S.F. Abasyanyka [Traditions of urban prose and creativity of S.F. Abasyanyka]. *Voprosy russkoy literatury* [Questions of Russian literature]. 26 (83). pp. 182–194.
3. Tetik, K. (2017) Liki gorodov v poezii K.D. Bal'monta [Faces of cities in the poetry of K.D. Balmont]. *Uchenyye zapiski Khudzhandskogo gosuniversiteta im. akad. B. Gafurova. Gumanitarnyye nauki*. 2 (51). pp. 83–91.
4. Kultysheva, O.M. (2017) Urbanizm i problema tsivilizatsii v tvorchestve V. Mayakovskogo [Urbanism and the problem of civilization in the works of V. Mayakovsky]. *Nizhnevartovskiy filologicheskiiy vestnik*. 2 (2). pp. 47–57.
5. Soboleva, O.V. (1998) [Motifs of Silver Age poetry in the Venetian text of Joseph Brodsky]. In: *Dva rubezha. 100-letnemu yubileyu "Mira iskusstva"* [Two Frontiers. 100th anniversary of the "World of Art"]. Conference Proceedings. Perm. pp. 100–102. (In Russian).
6. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature.]. Novosibirsk: NSU.
7. Gololobov, M.A. (2008) Parizhskiy diskurs i parizhskiy tekst v romane E. Zolya "Zapadnya" [Parisian discourse and Parisian text in E. Zola's novel "The Trap"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 12. pp. 232–236.
8. Lilly, I.K. (ed.) (2002) *Moscow and Petersburg. The city in Russian culture*. Nottingham.
9. Krasnoukhova, Yu.S. & Khatyamova, M.A. (2023) Moscow as a representation of modern reality in Nina Sadur's play *Mal'chik-Nebo*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* – Tomsk State University Journal of Philology. 85. pp. 203–219. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/10
10. Lotman, Yu.M. (1984) Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and problems of semiotics of the city]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Works on sign systems]. Vol. 18. Tartu. pp. 30–45.
11. Toporov, V.N. (1984) Peterburg i Peterburgskiy tekst russkoy literatury [Petersburg and the Petersburg text of Russian literature]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Works on sign systems]. Vol. 18. Tartu. pp. 4–29.
12. Ackroyd, P. (2000) *London: The Biography*. London: Chatto & Windus.
13. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
14. Shafranskaya, E.F. (2010) *Tashkentskiy tekst v russkoy kul'ture* [Tashkent text in Russian culture.]. Moscow: Art Khaus media.
15. Novokhatskiy, D.V. (2019) Transkul'turnyy tekst i tendentsii russkogo literaturnogo meynstrima: "Tashkentskiy roman" Sukhbata Aflatuni [Transcultural Text and Russian Literature Mainstream Tendencies: *Tashkentskiy Roman* by Suhbat Aflatuni]. *Mundo Eslavo*. 18. pp. 74–91.

16. Shafranskaya, E.F. & Lebedeva, E.V. (2015) Alma-Ata kak lokal'nyy tekst [Alma-Ata as a local text]. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya"*. 3. pp. 272–282.
17. Bayanbayeva, Z.A. (2017) *Alma-atinskiy lokal'nyy tekst v tvorchestve Yu. Dombrovskogo: funktsional'no-semioticheskiy aspekt* [Alma-Ata local text in the works of Yu. Dombrovsky: functional-semiotic aspect]. Philology Cand. Diss. Moscow: RUDN.
18. Nūrgali, K.R. & Amangeldi, M.D. (2022) Sistema motivov v lirike B. Kanapyanova [The system of motives in the lyrics of B. Kanapyanov]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2 (106). pp. 109–116. doi: 10.31489/2020Ph2/109-116
19. Kozhabergenova, A.E. (2022) Goroda sovetskogo Vostoka v proze Diny Rubinoy [Cities of the Soviet East in the prose of Dina Rubina]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 28 (3). pp. 125–135. doi: 10.15826/izv1.2022.28.3.052
20. Tlostanova, M.V. (2004) *Zhit' nikogda. Pisat' niotkuda. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii* [Never live. Write out of nowhere. Post-Soviet literature and aesthetics of transculturation]. Moscow: Editorial URSS.
21. Puleri, M. (2016) *Narrazioni ibride post-sovietiche. Per una letteratura ucraina di lingua russa*. Firenze: Firenze University Press.
22. Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French by G. Kosikov, B. Naumov. Moscow: Progress.
23. Kristeva, J. (2004) *Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki* [Selected works: Destruction of poetics.]. Translated from French by G. Kosikov. Moscow: ROSSPEN.
24. Alma-Ata ili Almaty: pochemu eto tak volnuyet Olzhasa Suleymenova? [Alma-Ata or Almaty: why does Olzhas Suleimenov care so much?] (2021) *Exclusive*. [Online] Available from: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/125677/> (Accessed: 10.09.2023).
25. Farino, E. (2018) Yabloki – apel'siny – granaty [Apples – oranges – pomegranates]. *Kul'tura i tekst*. 4 (35). pp. 7–84.
26. Kanapyanov, B. (2011) *Izbrannoye. V 2 t. T. 1.* [Selected works. In 2 volumes]. Vol. 1. Almaty: Zhibek Zholy.
27. Kanapyanov, B. (2011) *Izbrannoye. V 2 t. T. 2.* [Selected works. In 2 volumes]. Vol. 2. Almaty: Zhibek Zholy.
28. Aslitudinova, A. (2016) Bazar v Tsentral'noy Azii kak pole sotsial'nogo i kul'turnogo vzaimodeystviya [Bazaar in Central Asia as a field of social and cultural interaction]. *Istoriik (Muarrikh)*. 3–4 (8). pp. 126–129.
29. Temirgazina, Z., Rakhimzhanov, K., et al. (2022) Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication. *Metaphor and the Social World*. 12 (2). pp. 270–291. doi: 10.1075/msw.19019.tem
30. Bakhtin, M.M. (1975) Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Research from different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
31. Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021) Garmoniya i disgarmoniya: akusticheskaya oppozitsiya v ranney lirike Aleksandra Bloka [Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 12(1). pp.137–152. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152.
32. Temirgazina, Z.K. & Ibraeva, Zh.B. (2021) An Observer in Poetic Narrative (In the Poems of Pavel Vasiliev). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 72. pp. 290–307. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/72/16

Информация об авторе:

Темиргазина З.К. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Павлодарского педагогического университета им. Маргулана (Павлодар, Казахстан). E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Z.K. Temirgazina, Dr. Sci. (Philology), professor, Pavlodar Pedagogical University (Margulan University) (Pavlodar, Kazakhstan). E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 13.12.2023;
approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 12.07.2024.*